

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-2-237-245

УДК 821.161.1

ОПЫТ ЭПОПЕИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ. ЭПИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ В ТЕТРАЛОГИИ АНДРЕЯ ВОЛОСА «СУДНЫЕ ДНИ»

В.А. Мескин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется содержание и форма недавно опубликованной работы известного прозаика А. Волоса. Четыре относительно автономных романа, объединенных описанием драматических судеб одних и тех же героев, а главное — принципом историзма, заложенным в основание повествования, автор статьи рассматривает в единстве как положительный опыт в жанре эпопеи в современной российской словесности. Значительное внимание уделяется композиции произведения, психологизму, работе писателя со словом. Рассуждения и выводы подтверждаются ссылками на мнения критиков, на суждение писателя о своем творчестве.

Ключевые слова: Андрей Волос, современная российская проза, поэтика, жанр, эпопея, историзм

Писатель Андрей Волос не нуждается в представлении. Недавно он опубликовал новую работу, над которой работал более десяти лет: четыре относительно автономных романа объединяются описанием драматических судеб ряда героев, но главное — идеей единства истории, присутствия прошлого в настоящем [2]. Серьезное и, вместе с тем, очень интересное, местами захватывающее повествование в лучших традициях классической литературы, несомненно, увлечет читателя. Эта книга о героизме, о подлости, о любви и о многом другом, она из тех книг, которые заставляют думать.

Свой труд автор назвал «Судные дни», хотя речь идет даже не о годах, а о десятилетиях, десятилетиях российского XX века, причем, что характерно для А. Волоса, с обстоятельными экскурсами в давно прошедшие столетия. «Переключка времен в романе Андрея Волоса предстает единым движением времени, о котором размышляют герои романа и которое не ограничено завершением этого романного сюжета, а продолжается в читательском восприятии во времени нынешнем» [5]. Закрыв последнюю страницу книги, понимаешь, что хотел сказать автор библейским названием: задумайтесь, зло творящие, судные дни ожидают всех и каждого.

В нашем литературоведении утвердилось какое-то негласное табу на использование слова, понятия *эпопея*. Не раз случалось: назовут то или другое впервые опубликованное художественное произведение эпопеей, а потом смотришь — и нет упоминаний об эпопее, говорят о романе. Так было, например, с известными

прозаическими полотнами К. Симонова, В. Гроссмана, В. Астафьева. Как будто в этом жанровом определении заложена уже и качественная оценка произведения, уравнивающая его достоинства с достоинствами «Войны и мира». Формально-теоретически эпопея — это крупное эпическое (или стихотворное) произведение социально-философского плана, повествующее о поворотных исторических событиях, естественно, о жизни и деяниях персонажей не только вымышленных, но и творивших эти самые исторические события. С этой точки зрения, тетралогия А. Волоса, объемом вряд ли не превышающим упомянутое творение Л. Толстого, — эпопея — хороша она или не очень... — об этом должны сказать читатели. Заметим, редкий рецензент, писавший об этом творении А. Волоса (обстоятельные работы, думается, еще впереди), не упомянул великий роман Льва Николаевича. «Вполне возможно, — пишет А. Иванов, — что «Победитель» и его продолжения, написанные в традициях классической русской прозы, могут стать современной эпопеей, чем-то похожей на «Войну и мир» [4]. С ним согласен Л. Данилкин: «Андрей Волос написал очень хороший роман — если вы не имеете ничего против жанра романа-эпопеи...» [3].

Известно, ход истории во многом определяет принцип домино: все последующие события вызваны событиями предыдущими, в их множестве есть такие, которые на десятилетия определяют жизнь огромных регионов, влияют на состояние мира. Такие ключевые события: октябрьский переворот в России (позднее названный революцией), диктатура большевиков, Великая Отечественная война, победа России и коалиции, афганская драма, — все это разворачивается в художественном осмыслении прозаика, причем в узнаваемом волосовском стиле.

А. Волос — художник слова, после недавней публикации романа «Возвращение в Панджруд» это вряд ли кто будет оспаривать. Эстетическое *как* у него в порядке, впрочем, и план содержания его книг не вызывает нареканий. Писатель классических традиций, он основательно углубляется в сферы повседневной жизни, истории, этнографии, особенно если речь идет о родном для него восточном регионе.

Теперь ясно, «Возвращение», а до этого — афганский «Хазарат», таджикский «Хуррамабад», другие «восточные» публикации послужили своеобразным подступом к тетралогии, отработкой манеры. «Со времен «Хуррамабада» Андрей Волос шел от романа-пунктира, от повествования в рассказах к собственно роману с несколькими сюжетными линиями» [1]. Вот о чем еще думается в связи с упомянутыми произведениями (а теперь в связи и с новой книгой): надо обладать не только творческой, но и научной смелостью, чтобы браться за описание далекой истории не только своего, но еще и не своего народа.

Манера Волоса отчетливо проявилась в «Возвращении в Панджруд». Иранско-таджикское прошлое, X век, писатель воссоздает как бы изнутри, зримо. Роман насыщен реалиями той жизни, которая кипела на улицах Самарканда, Бухары, в нищих кишлаках, во дворцах богачей, в медресе, в шумных караван-сараях, в мрачных тюрьмах-зинданах. Простое перечисление того, что узнает прочитавший «Возвращение в Панджруд», займет не одну страницу. Конечно, это художественное произведение, соответственно, автор имеет право на художественное видение,

но в известных пределах. Вне этих пределов вряд ли правомерно рассуждать, скажем, о структуре, внутренней и внешней политике халифата, об исламизации Персии, об отношениях между персами, арабами, тюрками, о корнях суннитско-шиитского конфликта, об исламской космогонии и тому подобных существенных вещах. Рассказ о драматической судьбе великого Рудаки перерастает в рассказ о политической, умственной, духовной жизни огромного восточно-азиатского пространства. В заключении автор называет свой роман «реконструкцией» и убеждает в «достоверности» приводимых исторических фактов. Надо полагать, свое критическое слово по этому вопросу еще скажут историки-иранисты, тюркологи, востоковеды-этнографы, специалисты по истории зороастризма, ислама, а также суннитские и шиитские имамы, но, представляется, автор уверен в своей правдивости и не боится этого слова.

Такой манеры, такого стиля А. Волос придерживается и в тетралогии. И здесь наблюдаются элементы реконструкции, и здесь можно ожидать критики с позиций не только художественных. Мышление в образах, направленное на панорамное отображение российской истории XX века в калейдоскопическом отображении судеб типических характеров и целых фамилий, соединяется в «Судных днях» с мышлением понятийным, историческим. При этом автору очень, очень важно, чтобы читатель верил в его объективность, правдивость. Художественный текст предваряет выражение авторской благодарности десяткам лиц, чьи воспоминания, записки, знания, советы были положены в основание произведения (бывшие солдаты, военачальники, участники давних и недавних войн, заключенные, ученые-естественники, историки и др., а еще цифры, цифры, цифры).

Обращение к теме российской истории в лицах ко многому обязывает писателя: в прошлом к ней обращались именитые предшественники, в настоящем — многие современники, причем достаточно успешно. Только, можно сказать, вчера художественное обозрение драматических десятилетий российского XX века в прозе представили В. Маканин, М. Кантор, Ю. Буйда, А. Макушинский, В. Шаров, С. Алексиевич и др. Образно говоря, кровоточит эта тема, не дает себя забыть, звала, зовет и пожилых, и молодых. Правда, есть (теперь можно говорить была) в теме о России второй половины XX столетия не сказать, что лагуна, но явно недостаточно освещенная сторона — десятилетняя афганская кампания советской России. Нельзя же в самом деле считать приличным освещением пафосные книги «соловьев генерального штаба», в которых воспевались решения, осознанные сейчас как не просто ошибочные, а трагические...

Пристальное внимание к афганским событиям, расширенное осмысление их последствий для российской и даже мировой истории — все это новаторские ходы А. Волоса. Дело еще вот в чем. Можно, не опасаясь негативных последствий, ломать сложившиеся представления о давней истории, но А. Волос рушит стереотипы истории относительно недавней и даже совсем недавней. Художник слова как бы вклеивает в нашу историю некогда удаленные из нее страницы, говорит о том, о чем долгие годы молчали спецхраны. Действительно, многие ли знают, что в 1929-м году Сталин ввел войска в Афганистан под предлогом того, что туда вот-вот войдут войска вражеской Англии. История ходит по кругу... Итогом недолгого, но затратного и бесславного похода стала гибель десятков красноармей-

цев и многих сотен афганцев. В 1979-м году, образно представляет автор, лишь повторяются диалоги шурави и афганских крестьян, звучавшие в году 1929-м:

— Мы пришли вам помочь.

— А зачем нам помогать, нам и так хорошо...

Автор призывает помнить не только о 65 тысячах убитых и искалеченных соотечественниках и о 85 тысячах убитых афганцах в 1970—1980-е годы, но и о бессмысленных жертвах 1920-х годов.

Конечно, более или менее правдивые цифры, при желании, можно отыскать в справочной литературе; в первую очередь А. Волос решает задачи художественные, показывает убедительно, трогательно, *как* это было, читатель услышит голоса жертв, прочувствует боль своего и чужого народа. Читатели без большого напряжения найдут в книге усвоенные формально-содержательные традиции Л. Толстого (их трудно избежать, говоря о войне), В. Гаршина, Л. Андреева, отобразивших «ужас и безумие» войны, традиции авторов, описывавших баталии уже первой половины XX века: Г. Бакланова, Ю. Бондарева, К. Воробьева, других создателей «лейтенантской прозы».

Афганская Народно-демократическая революция, угроза американской интервенции, ограниченный контингент помощи, прогрессивный лидер Тараки, американский ставленник Амин, миротворец Кармаль, бескровный штурм Тадж-Бека (дворца Амина) — автор «Судных дней» относится ко всему этому как к мифам, в которых есть и правда, и вымысел, дает свою художественную интерпретацию событий тридцатипятилетней давности.

А. Волос подвигает видеть причины круговоротов истории в неизменности человеческой природы. Заметим, и в подтексте романа «Возвращение в Панджруд» кроется мысль: история учит, что она ничему не учит... Картины афганской, условно говоря, революции в «Судных днях» — палимпсест октябрьских и последующих событий в России начала XX века, та же святость целей и та же жестокость средств, та же наивность и та же глупость, та же кровавая борьба за власть вчерашних соратников (Тараки, Амин, Кармаль — Троцкий, Бухарин, Зиновьев или Каменев, судьба одна), та же фракционность (парчам, хальк — большевики, меньшевики) и др. Читателю остается гадать, как пошла бы история Афганистана (и не только Афганистана), если бы из трех лидеров, кабинеты которых одинаково были украшены портретами Ленина и Сталина, престарелый российский лидер не выбрал бы сначала Тараки («прошамкав... приятный молодой человек»), а после его убийства Амином — Кармалю. Интрига отображаемых афганских событий обостряется описанием тонких провоцирующих операций американских разведслужб на территории страны, заинтересованных, чтобы Россия получила «свой Вьетнам», и крайне незаинтересованных, чтобы к власти пришел сильный Амин, человек, по их мнению, способный стать лидером нации.

Трагедия Амина описана особенно выразительно, его предательское убийство теми, кого он звал на помощь, чтобы «защитить революцию», возмущает и трогает, местами до слез. Еще раз заметим, А. Волос пишет о том, что хорошо знает, работу над книгой сопровождали беседы с участниками событий. Вот, что писатель говорит по этому поводу: «Я не портил вымыслом реальных событий... Сце-

на убийства Амина — из их числа» [4]. О виновниках страшного для двух народов взрыва автор пишет с публицистической определенностью — Андропов, Брежнев, Устинов. Читатель «присутствует» на решающем заседании политбюро правящей партии. Вряд ли без оснований обособляется позиция начальника генштаба Огаркова, выступавшего против ввода войск... Он пишет о взрыве, разрушительные последствия которого до сих пор сказываются и в Азии, и в Европе, и в далекой Америке.

И еще вот о чем думается, читая книгу Волоса. Она должна была появиться, должно было появиться это христианское по духу, художественное по форме покаяние за беды, страдания, которые понес не только российский, но и афганский народ в результате вооруженного российского вторжения под благовидным предлогом «защиты социалистических идеалов революции». Да еще и не первого вторжения...

В создании многоликого портрета афганского народа автор использует самые разные краски, присутствуют элементы и юмора, и даже сатиры, но в целом — это портрет героический, это народ, в плоть и кровь которого вошло свободолюбие. Волос еще раз напоминает: в борьбе с захватчиками афганцы идут на любые жертвы, воюя неистово, беспредельно жестоко и «не по правилам». Англичане завоевали полмира, но «подавились афганской костью» (чему, заметим, не внимали европейцы и уже в наши дни — американцы...). Характером-символом здесь предстает самоотверженный моджахед-философ майор Даврани, потерявший на этой войне всех братьев и сам в конце концов погибший. Его глазами читатель смотрит на эту войну, на тактику «выжженной земли»: «В пыли, в поту шагая вслед за БТРами, бойцы проламывались сквозь дома, плетни, дувалы, дворовые виноградники и цветущие гранатовые деревья: оставляя за собой широкую полосу “чистой” земли, где не было ни одной целой крыши — все лежали плашмя или косо кренясь, топорща чахлые жерди перекрытий и придавливая собой раскрошенные глиняные руины». Убегающих дехкан давят гусеницами танков, заподозренных в связи с моджахедами живыми сбрасывают с вертолетов. «Так что же они думают, — ужасается Даврани, — чтобы кончить эту войну.. убить всех?..». При этом его обуревают понятное злорадство: чем больше убитых, тем больше вставших под ружье мстителей, тем сокрушительней афганская «дубина народной войны».

Но даже не менталитет, а щедрая, поэтичная душа афганского народа вне сражений раскрывается в третьей части тетралогии. Здесь на многих страницах, окрашенных в полумистические тона, описывается, хочется сказать, хождение пленного солдата-россиянина по аулам и кишлакам этой бедной, но духовно богатой древней восточной страны. Хождение подвигает его к попытке вернуться к себе прошлому, доафганскому, к обретению души. Вчерашнего бойца сопровождает мудрый старец, случайный спаситель, осознающий и ищущий связь всех людей и всего живого в мире, родство религий. «Наш святой Хызр, — рассуждает он, — это и есть ваш святой Николай».

И все-таки автору важнее показать российский народ в этом навязанном противостоянии, в его коллективном портрете больше разнообразия. Достаточно убедительно показаны и порядочные люди, прежде всего непосредственные участ-

ники боестолкновений, героически погибающие на поле брани, не очень-то понимая за что, и начальствующие подлецы, цинично рассуждающие о «золотом дне» этой войны. То есть, при всей важности военно-афганской тематики все-таки она не главная в тетралогии. Да, это книга о России. Автор дает свое художественное видение советской действительности предшествующих десятилетий, социально-политических условий, при которых могла произойти афганская авантюра, если и не развалившая СССР, то немало этому способствовавшая. Корни этой и многих других трагедий, особенно в годы Великой Отечественной войны, автор видит в созданной Сталиным системе государственного управления, способной к мимикрии, но не к изменениям. Волос представляет формулу сталинской власти, ее главными компонентами предстают страх как состояние, миф как теория, магия как практика. Здесь кроются объяснения, казалось бы, бессмысленных репрессий. Просвещенная мысль убийственна для тирании, ее носители — их целый ряд в книге Волоса — изолировались от масс, уничтожались. Молох сталинской власти требовал репрессий, жертв: чем больше жертв, тем больше палачей, сторонников и защитников этой власти...

Композиция этого объемного сочинения сложная, но причинно-следственные связи читателю достаточно ясны. История российского XX века, становление, распад государства автор показывает в перекрестии десятков, естественно, не простых судеб. Точками художественных перспектив, сцепления сюжетных линий предстают характеры типические, рожденные широкими социальными обобщениями. Здесь есть и крестьяне, и рабочие, но в центре авторского и, понятно, читательского внимания три характера. Пожалуй, главный — это рефлектирующий интеллигент-писатель Герман Бронников. В руки беспечного и обеспеченного соцреалиста попадает чужой архив, а вместе с ним приходит и бремя ответственности — донести до людей правду — ставшие известными хождения по мукам родственников и знакомых. Нести правду означало не только отказаться от лжи соцреализма, но и испытать на себе все «прелести опеки» КГБ. Бронников пишет роман. Хорошо известный по классической литературе прием романа в романе позволяет А. Волосу перемещаться из начала 1980-х годов во все предшествующие десятилетия и обратно.

Судьбы ученых, прошедших ГУЛАГ, представляет яркий несгибаемый философствующий Игорь Шегаев, этот характер не затеряется в ряду не менее ярких характеров ученых-зеков, воспроизведенных А. Солженицыным, В. Шаламовым, другими создателями лагерной прозы. Истинного офицера-воина представляет бескомпромиссный характер Александра Плетнева. Эта личность положительно соотносится с личностью афганца-моджахеда Даврани и резко противопоставлена подлецам из «своих», кому «война — мать родная». Как с образом Шегаева в поэтику эпопеи приходит элемент мистицизма, так с образом Плетнева в нее приходит элемент детективно-приключенческий, экшена.

И вот что интересно. О том, как изводилось российское крестьянство, можно сказать, и христианство, написаны десятки книг. Казалось бы, что нового можно сказать на эту тему после В. Белова, Б. Можаева, С. Залыгина, других «деревенщиков»? Но, оказывается, можно... Заметим, об этом недавний дебютный роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» — о трагедии раскулачивания татарского

крестьянства. А теперь вот и «Судные дни» А. Волоса — о трагедии русского и казахского крестьянства, о силе человеческого духа, о трудностях нравственного выбора. Казалось бы, что нового можно сказать о Великой Отечественной войне, о ее героических и других страницах, в частности о «ржевском котле», о генералах, которые, боясь гнева верховного, бессмысленно губили армии? Об этом написано убедительно и не однажды. Но и здесь, оказывается, возможно новое слово, новый ракурс. Символистское письмо у Волоса органично вплетается в реалистичное повествование, благодаря чему расширяется диапазон художественных возможностей, так, например, автор романа в романе дает возможность послушать, о чем говорят погибшие «подо Ржевом в безымянном болоте».

Последняя часть тетралогии обращена в начало сумбурных 1990-х годов, и сумбур этот представлен у Волоса во всей его сомнительной красе. Надо сказать, смутные 1990-е годы в России привлекли внимание многих современных прозаиков, может быть, подробнее других отобразил их С. Шаргунов в семейно-политическом, психологическом романе «1993». А. Волос оригинально описал происходившие тогда события как социальную драму и трагический цирк.

По-волосовски убедительно — изнутри, зримо — автор описывает и 1980-е годы. Не приходится сомневаться, так мог описать время и бремя страны только очевидец, причем обладающий не только художественным воображением, но и художественной памятью. Вот улицы, украшенные лозунгами типа «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым», вот полки магазинов, украшенные лишь «гвардейскими рядами сырков “Дружба”», вот очередь за селедкой по рубль сорок пять копеек, потому что всегдашнюю в продаже, ржавую, по рубль четыре копейки, нельзя было есть. Да, так и было: по рубль сорок пять и по рубль четыре... Автор уместно обращается к специфической лексике тех лет: не купить, а *достать*, вариант — *достать по блату*, не поступило в продажу, а *выбросили* и др.

Поэтический арсенал произведения, как и социальный ряд персонажей, предельно широк. В тетралогии есть и сатира, и юмор, как, скажем, в строчках-размышлениях мула о сложностях жизни бременной. Чистка столицы от нежелательных элементов, способных «запятнать чистый облик страны советов», трагикомична. Метафора Волоса обладает наглядностью и содержательной емкостью. Ту же напряженно-испуганную атмосферу города накануне всемирных спортивных игр передают зарисовки самых обычных явлений, например, описания утренних троллейбусов, «за стеклами которых маячит горох бледных лиц». На экране телевизора герой видит «рыбье лицо» очередного генсека, и читатель безошибочно определяет носителя этого лица. Важную роль играет в повествовании психологическая деталь, подчеркивающая достоверность, жизненность персонажей. Герой-афганец, Александр Плетнев, выйдя из ворот зоны (после девятилетнего незаслуженного заключения) досадует на себя: никак не может забыть, что не передал приятелю какой-то дефицитный инструмент. Содержание характеров показано посредством внутренних монологов, в их, порой, мучительных спорах с собой. В потоках сознания равно исчерпывающе раскрываются и положительные герои, и подлецы, и садисты-убийцы. И, как всегда у Волоса, драматизм повествования смягчают великолепные пейзажные зарисовки величественных горных вершин, долин, перевалов, вневременной несуетной красоты.

Можно предположить, что автору близки высказывания старого живописца Кириллова в «Судных днях» о том, что самое главное в искусстве: «Время... Вот, что главное в картине — время! Время для живописца всегда одно — вечность!.. Живописец должен донести до людей... свои представления о вечности...». Да, главное для А. Волоса в «Судных днях», как, впрочем, и во всех других его произведениях, донести до читателя свои представления о вечности, не случайно в названии своего нового произведения он обращается к Вечной Книге.

© Мескин В.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Беляков С.* Победенный // Новый мир. 2009. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/7/be15.html (дата обращения 29.03.2017).
- [2] *Волос А.* Судные дни (Победитель. Предатель. Должник. Кредитор & Месмерист) М.: Изд-во «Э», 2016—2017.
- [3] Данилкин Л. Книга Победитель. Афиша. 02.10.2008. URL: <https://www.afisha.ru/book/1450/> (дата обращения 29.03.2017).
- [4] *Иванов А.* Победитель, который не судит (интервью с писателем А. Волосом. Литературная Россия. 12.06.2009. № 23. URL: <http://old.litrossia.ru/2009/23/04173.html> (дата обращения 29.03.2017).
- [5] *Чкония Д.* О «Предателе» Движение времени // Дружба народов. 2012. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2012/5/ch23.html> (дата обращения 29.03.2017).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 5 февраля 2017

Дата принятия к печати: 1 апреля 2017

Для цитирования:

Мескин В.А. Опыт эпопеи в современной прозе. Эпическое и историческое в тетралогии Андрея Волоса «Судные дни» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2017. Т. 22. № 2. С. 237—245.

Сведения об авторе:

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов, профессор.

Контактная информация: e-mail: VAMeskin@yandex.ru

EPIC GENRE IN MODERN PROSE. EPIC AND HISTORY IN TETRALOGY “JUDGMENT DAYS” BY ANDREI VOLOS

V.A. Meskin

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the content and shape of the recently published work by a famous writer A. Volos, who does not see his four relatively autonomous novels as separate, thus serving an example of

positive experience in modern Russian epic poetry. United by historicism, serving the basis of narration, the novels describe dramatic destinies of the same characters. Much prominence is given to the composition, psychologism, and word usage. Reasoning and conclusions are based on analytical publications, and the writer's own perceptions concerning his work.

Key words: Andrei Volos, modern Russian prose, poetics, genre, epic, historicism

REFERENCES

- [1] Belyakov S. Pobezhdeniy [The Defeated]. *Noviy mir* [The New world]. 2009. № 7. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/7/be15.html (accessed date 29.03.2017).
- [2] Volos A. Sudniye dni (Pobeditel. Predatel. Dolzhnik. Kreditor & Mesmerist) [Judgment days (The Winner. The Traitor. The Debtor. The Creditor & the Mesmerist)]. M.: Publishing House «E», 2016—2017.
- [3] Danilkin L. Kniga Pobeditel [The Winner Book]. Afisha. 02.10.2008. Available at: <https://www.afisha.ru/book/1450/> (accessed date 29.03.2017).
- [4] Ivanov A. Pobeditel, kotoriy ne sudit [The winner who does not judge (interview with writer A. Volos)]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 12.06.2009. No. 23. Available at: <http://old.litrossia.ru/2009/23/04173.html> (accessed date 29.03.2017).
- [5] Chkonia D. «O Predatele» Dvizheniye vremeni [About the Traitor. The stream of time]. *People's Friendship*. 2012. No. 5. Available at: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2012/5/ch23.html> (accessed date 29.03.2017).

Article history:

Received: 5 February 2017

Revised: 15 March 2017

Accepted: 1 April 2017

For citation:

Meskin V.A. (2017) Epic genre in modern prose. Epic and history in tetralogy “Judgment days” by Andrei Volos. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (2), 237–245.

Bio Note:

Meskin Vladimir Alexeevich, doctor of philological science, professor, Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University.

Contact: e-mail: VAMeskin@yandex.ru